

Однако Се Люй на самом деле не проснулся, лишь повернулся с боку на бок, продолжая бредить.

Мужун Чжи лишь тихо вздохнул, поправил ему одеяло, собрал растрепавшиеся волосы и свободно связал их сбоку. Подумав, взял мягкую подушку и подложил у изголовья, чтобы тот не ударился о твердое дерево, ворочаясь во сне.

Глядя на него, Тан Цзи смутно вспомнил те дни, когда сам, тяжело раненный, впервые прибыл на Снежную гору и мучился от боли.

В то время, после каждой перевязки, он метался на постели в мучениях, и всегда Мужун Чжи держал его за руку, проводя с ним таким образом ночи напролет, успокаивая его. Он делал все от души и с полной отдачей, без малейшего пренебрежения.

— Мужун... ухаживаешь за генералом Се с такой заботой и внимательностью.

Мужун Чжи промолчал, продолжая вытирать платком холодный пот со лба Се Люя.

В те дни Мужун Чжи ухаживал за ним с такой же тщательностью, вероятно, даже более скрупулезно, чем в этой сцене.

... Но это он сам не сумел оценить такое счастье.

С потемневшим от грусти взглядом Тан Цзи отвернулся и, не говоря ни слова, развернул колеса кресла, намереваясь уйти.

Но тут сзади раздался голос:

— Господин усадьбы, остановитесь.

— Я слишком долго был занят здесь и чуть не забыл, что вечером должен был поставить господину усадьбы иглы для лечения ног. Сейчас уже немного опоздал, но еще не слишком поздно. Прошу господина усадьбы, как обычно, удобно сесть и приподнять одежду, как раньше.

Тан Цзи сидел молча, наблюдая, как Мужун Чжи достал из корзины с лекарствами сверток с серебряными иглами. Длинными пальцами он брал их по одной, обжигая на пламени свечи.

— ... Потрудился, Мужун.

Мужун Чжи, полуприсев на колени у ног Тан Цзи, пальцами ощупывал эти тонкие ноги, дюйм за дюймом, определяя нужные точки.

— В последние дни, если бы не Мужун... который, отбросив прошлые обиды, согласился помочь, я, Тан, боялся, что на всю жизнь останусь с этим креслом. Действительно, огромное спасибо господину Мужун.

Услышав такие слова Тан Цзи, Мужун Чжи лишь опустил взгляд и сказал:

— Я тоже... не обладаю другими талантами. Что касается поддержания здоровья, изгнания болезней, лечения ядов — в любом из этих аспектов я несравненно уступаю старшим из Павильона Снадобий вашей усадьбы. Только в восстановлении формы и лечении костей, чему меня лично обучил наставник в ранние годы, я разбираюсь чуть яснее, чем другие.

Во время речи он ввел еще несколько игл. Нога Тан Цзи дернулась, выступило несколько

капель холодного пота, но выражение его лица было крайне обрадованным.

— Нога... чувствую! Чувствую боль!

— Уже пора чувствовать. Еще день-два, и господин усадьбы, возможно, сможет попробовать встать.

— Правда?

— Надеюсь, что так. Ладно, на этот раз иглы нужно извлечь через час. Господину усадьбы будет неудобно возвращаться, так что, пожалуйста, потерпите и отдохните здесь до рассвета. Я сниму иглы, а затем вы сможете вернуться отдохнуть. Если устанете, можете закрыть глаза и вздремнуть, я постараюсь не беспокоить господина.

Сказав это, он снова сел у кровати Се Люя. Тот бредил и ворочался, но на лице Мужун Чжи не было и тени нетерпения. Он лишь протянул руку, одной крепко сжимая руку Се Люя, а другой мягко похлопывая его по телу.

...

Спустя час, как только Мужун Чжи снял с Тан Цзи серебряные иглы, третий старейшина Павильона Снадобий уже прислал человека с противоядием.

— Наставник и его младшие братья по учению велели сначала дать больному эту отварную микстуру. Поскольку он не в сознании, будет трудно, но ни в коем случае нельзя слишком много расплескать. Через три часа нужно будет принести другую микстуру. Вечером наставник сам навестит его и, в зависимости от обстоятельств, скорректирует дозировку лекарств.

Тан Цзи поспешно ухватил мальчика-слугу:

— Почему твой наставник и его братья сами не пришли? Говорили ли они, смогут ли вылечить этого человека?

— Докладываю господину усадьбы, наставник и его братья всю ночь не спали, потому что в яде все еще есть один-два вида трав, которые не удалось определить. Они все еще тщательно исследуют. Но господин усадьбы, будьте спокойны, наставник уже сказал, что по крайней мере поддерживать жизнь этого человека не составит проблемы. Затем все зависит от того, как удастся определить, что это за яд. Должно быть, ничего страшного.

— Слава небесам, — тихо пробормотал Тан Цзи.

Однако Мужун Чжи не успокоился:

— Еще потрудись вернуться и передать своему наставнику: у Се Люя всю ночь была сильная температура, жар не спадает. Долго так продолжаться не может. Спроси его, есть ли способы хоть немного снизить жар.

— Да, ученик понял! Ученик сейчас же вернется и спросит.

Впоследствии целый час Тан Цзи помогал Мужун Чжи с величайшими усилиями, по капле вливая ту черную отварную микстуру в Се Люя. После приема лекарства температура его тела быстро спала, но даже после приема еще одной порции новой микстуры спустя полдня не было

и намека на пробуждение.

В последующие дни четверо старших Павильона Снадобий несколько раз навещали Се Люя, даваемые так называемые противоядия также менялись каждый день. Позже Се Люй уже не покрывался холодным потом, не бредил, цвет под глазами тоже был не таким синевато-багровым, как раньше, словно он просто спал, но все никак не просыпался.

Зато Тан Цзи спустя несколько дней иглоукалывания Мужун Чжи действительно мог с трудом стоять, если крепко фиксировал коленные кости. Более того, с поддержкой учеников он даже мог сделать несколько неуверенных шагов.

— Наставник, наставник! Глава павильона Линвэй и его супруга прислали письмо, сообщив, что их экипаж уже въехал в город Пинцзя, и, вероятно, к вечеру они достигнут усадьбы!

В тот день после полудня, как только Тан Цзи закончил сеанс иглоукалывания в комнате Мужун Чжи, за дверью послышался крик ученика.

Не успев договорить, Ся Даньси стремительно ворвался внутрь, закрыл за собой дверь и срочно спросил Тан Цзи:

— Брат Тан, что делать? Не ожидали, что глава павильона Линвэй с супругой приедут так быстро. Хотя с приемом, встречей, пиром и комнатами для гостей проблем нет, остальные приготовления тоже в порядке, но дело с третьей госпожой...

Тан Цзи тоже ощущал сильное беспокойство:

— Разве изначально не говорили, что они прибудут завтра вечером? Путь из Пуяна сюда, даже если очень спешить, занимает пять дней, как они могли...

— Возможно, господин усадьбы и его супруга, тоскуя по дочери, выехали раньше. Наставник, со всем остальным еще можно справиться, только тело третьей госпожи Линь... — На лице Ся Даньси появилось затруднение, он украдкой взглянул на Мужун Чжи.

Мужун Чжи, опустив взгляд, холодно произнес:

— Я уже говорил: пока Се Люй не очнется ни на день, дело, о котором вы меня просите, откладывается ни на день.

Ся Даньси с беспомощным выражением лица сказал:

— Господин дворца беспокоится о генерале Се, и я, находясь здесь, глубоко сочувствую! Только, только глава павильона Линвэй с супругой прибывают раньше, чем ожидалось. Когда супруга главы павильона вечером приедет в усадьбу и не увидит свою дочь, в ее сердце неизбежно зародится подозрение, и нам действительно будет трудно ей что-либо объяснить. Надеюсь, господин Мужун сможет... проявить великодушие и оказать помощь, чтобы мы хотя бы смогли обмануть ее на сегодняшний вечер.

— Какое мне дело до ваших объяснений? — сказал Мужун Чжи. — Я еще не спрашивал господина усадьбы и господина Ся: вы ранее четко говорили, что разберетесь, кто же нанес этот удар Се Люю. Прошло уже четыре дня, есть ли какие-нибудь результаты?

Тан Цзи опустил голову:

— Тан Цзи бесполезен. После тщательной проверки всей Горной усадьбы Кленового Листа сверху донизу не было обнаружено ни одного подозрительного человека. Мужун, как ты думаешь, может... может быть, в тот день, когда генерал Се гулял с нами по улице, на него напали на улицах города Лоцзин?

Мужун Чжи счел это оправдание крайне смехотворным.

— Напали на улице? На улицах целый день толпятся люди, Се Люй не выставлял себя напоказ, кому могло понадобиться специально выбирать его для нападения? Более того, тех, кто знает о его статусе в этом городе, пожалуй, лишь несколько человек: господин усадьбы, господин Ся, Ци Янь и другие. Так что если на него и напали, то обязательно по указанию Горной усадьбы Кленового Листа!

— Мужун, я, я и господин Ся не имели ни малейшего намерения вредить генералу Се! Если бы у нас были такие намерения, пусть нас поразит молния, после смерти мы не попадем в круговорот перерождений, навеки лишимся перерождения!

Ся Даньси молча испытал внутренний трепет. Сам давай страшные клятвы, так еще обязательно приплетай «и господина Ся»!

То, что у тебя не было намерения вредить Се Люю — верно, но у меня-то всегда было!

Хотя то, что он сейчас лежит здесь, — это точно не я сделал.

... Неизвестно, какой герой или добрый молодец нанес удар. Резиденции князя Чэн нужны такие талантливые люди, разделяющие заботы господина, только время удара действительно выбрано очень неудачно.

— Ладно, бесполезно много говорить. Раз вы не можете найти отравителя, я не могу оказать помощь. В таком случае, оставаться в Горной усадьбе Кленового Листа тоже бессмысленно. Господин усадьбы, я забираю Се Люя и возвращаюсь во Дворец Внимающих Снегу, отправляемся немедленно.

В глазах Тан Цзи мелькнула влажная искорка:

— Мужун, я не то чтобы не искал, а... возможно, это действительно сделал не человек из моей Горной усадьбы Кленового Листа. Ты разве... не веришь мне?

Вредитель живет тысячу лет.

Хотя позже все равно придется уйти со сцены.

Но ты все равно должен верить, что вредитель живет тысячу лет.

<http://bllate.org/book/15612/1393950>